

Conflict potential of Central Asian immigration (using the example of the Yaroslavl region)

A. V. Shustov¹, V. A. Luzina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-354-373

Research article
Full text in English

The article is devoted to the problem of conflict potential arising as a result of immigration to Russia of the indigenous population of the Central Asian states. Most researchers of labor migration from Central Asian countries to Russia have so far studied the problems of adaptation of migrants and their integration into Russian society. In addition, xenophobia towards migrants by the indigenous population of the Russian Federation is a common research topic, while the radicalization of migrants themselves in Russia and their participation in extremist movements remain poorly studied. The proposed study focuses on the conflict potential created by both temporary, labor, and permanent, long-term migration of the indigenous population of Central Asian countries to Russia. The relevance of the study is related to the sharp aggravation of the problem of Central Asian migration in Russia. Signs of this aggravation appeared even during the COVID-19 epidemic in the form of a sharp increase in the number of conflicts involving migrants, and became especially acute after the terrorist attack in Crocus City Hall. The practical significance of studying the conflict-causing potential of Central Asian immigration is due to the need to timely identify the social risks associated with it and develop measures to neutralize them.

Keywords: migration; immigration; migrants; conflicts; conflict potential; Central Asia; Russia

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shustov, Alexander V. | E-mail: a.v.shustov@yandex.ru
Cand. Sc. (History)

Luzina, Victoria A. | E-mail: vikaluzinacat@gmail.com
Graduate

For citation: Shustov A. V., Luzina V. A. Conflict potential of Central Asian immigration (using the example of the Yaroslavl region) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 354-373. (In Russ.)

Конфликтогенный потенциал среднеазиатский иммиграции (на примере Ярославской области)

А. В. Шустов¹, В. А. Лузина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-354-373
УДК 325

Научная статья
Полный текст на английском языке

Статья посвящена проблеме конфликтогенного потенциала, возникающего в результате иммиграции в Россию коренного населения среднеазиатских государств. Большинство исследователей трудовой миграции из стран Средней Азии в Россию до сих пор изучали проблемы адаптации мигрантов и их интеграции в российское общество. Кроме того, распространенным сюжетом исследований является ксенофобия по отношению к мигрантам со стороны коренного населения РФ, тогда как радикализация самих мигрантов в России, их участие в экстремистских движениях остаются достаточно слабоизученными. Предлагаемое исследование сконцентрировано на конфликтогенном потенциале, который создает как временная, трудовая, так и постоянная, долгосрочная миграция в Россию коренного населения стран Средней Азии. Актуальность исследования связана с резким обострением проблемы среднеазиатской миграции в России. Признаки этого обострения проявились еще в период эпидемии COVID-19 в виде резкого роста числа конфликтов с участием мигрантов и стали особенно острыми после теракта в «Крокус Сити Холле». Практическая значимость изучения конфликтогенного потенциала среднеазиатской иммиграции обусловлена необходимостью своевременного выявления связанных с ним социальных рисков и выработки мер по их нейтрализации.

Ключевые слова: миграция; иммиграция; мигранты; конфликты; конфликтогенный потенциал; Средняя Азия; Россия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шустов, Александр Владимирович | E-mail: a.v.shustov@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии

Лузина, Виктория Андреевна | E-mail: vikaluzinacat@gmail.com
Магистрант

Для цитирования: Шустов А. В., Лузина В. А. Конфликтогенный потенциал среднеазиатский иммиграции (на примере Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 354-373.

Введение

В последние годы иммиграция из азиатских стран СНГ, вызывающая растущую тревогу большей части общества и значительную – властных элит, стала одной из наиболее острых внутри- и внешнеполитических проблем России. Между тем, поскольку крупных конфликтов с участием мигрантов из стран Средней Азии вплоть до начала эпидемии COVID-19 в России не случалось и в совершении терактов до нападения на «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 г. они замечены не были, в рамках

© ЯРГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

конфликтотенной парадигмы эта проблема до сих пор не рассматривалась. Иммиграция из государств Средней Азии в основном изучалась с точки зрения адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Причем это касалось как академических работ, так и эмпирических исследований, в последних из которых миграционные вопросы нередко выступали лишь в качестве сюжета более широкого круга проблем межнациональных отношений.

Проблема конфликтотенности миграции в отечественной социологии впервые была поставлена А. В. Дмитриевым, вначале – на глобальном уровне [1], а затем и на примере России [2]. Определения «конфликтотенности» миграции, ее «конфликтного потенциала» и методов оценки последнего А. В. Дмитриев не приводит, а сам феномен описывался им эмпирически – через факторы, которые способствуют обострению связанных с миграционными процессами социальных противоречий и конфликтов, – правовые, территориальные, этнические, демографические, криминогенные, демографические и др. Применительно к России проблема «конфликтного потенциала» миграции уже на начало «нулевых годов» оценивалась им как крайне серьезная, а сама конфликтотенность миграции во многом связывалась с культурными и этноконфессиональными различиями отпускающих и принимающих обществ [2].

В 2010-е гг. изучение проблемы конфликтотенности миграционных потоков активизировалось в южных регионах России, которые раньше других столкнулись с негативными последствиям массовой миграции. Основным объектом изучения при этом являлись не внешние, а внутренние миграции: в качестве отпускающих обществ выступали российские республики Северного Кавказа, а принимающих – другие регионы Юга России. Впрочем, ракурс рассмотрения этой проблемы во многом оставался прежним – сквозь призму факторов, которые способствуют возникновению обусловленных миграцией конфликтных ситуаций [3]. Новым стало то, что конфликтотенный потенциал миграционных потоков начинает увязываться с проблемами национальной безопасности [4]. Кроме того, в трактовке причин конфликтов приоритетное внимание уделяется культурным отличиям отпускающих и принимающих мигрантов обществ [5].

Основным сюжетом исследований взаимоотношений иммигрантов и принимающего общества при этом остается адаптация выходцев из Средней Азии в России. Ее изучение, как правило, носит локальный характер и осуществляется на уровне конкретных регионов, сталкивающихся с притоком иностранной рабочей силы. В последние годы такие исследования выполнены на материалах сельских регионов Юга России [6], Приморского края [7], Екатеринбурга [8], Татарстана [9] и целого ряда других субъектов РФ, а также отдельных профессиональных [10] и возрастных групп иммигрантов [11]. Основное внимание обычно уделяется факторам успешной адаптации мигрантов и препятствующим этому обстоятельствам. Порождаемые иммиграцией противоречия и конфликты рассматриваются вскользь, как фоновые аспекты адаптации [7; 9].

Риски радикализации трудовых мигрантов из Средней Азии и их вовлечения в террористическую деятельность становились объектом исследований лишь эпизодически [12]. Причем социологические опросы, затрагивавшие проблему религиозной радикализации мигрантов, еще несколько лет назад особых проблем в этой сфере не фиксировали [13]. В то же время анализ перспектив этнических конфликтов в России, проведенный в 2020 г. методом экспертного опроса, показал высокую

вероятность столкновений, связанных с исламистским экстремизмом и прежде всего ИГИЛ¹, и среднюю – конфликтов местного населения с инокультурными мигрантами из Средней Азии [14]. Тем не менее с количественными и «качественными» параметрами среднеазиатской иммиграции в Россию эта вероятность никак не связывалась.

Общероссийские количественные исследования ведущих социологических центров рисуют достаточно противоречивую картину. Так, по итогам опроса ВЦИОМа, проведенного в августе 2023 г. (n=1600), негативно (40 %) и позитивно (47 %) относящееся к трудовой иммиграции население разделилось на две примерно равные группы с небольшим перевесом в пользу последних. Об ухудшении межнациональных отношений заявили 39 % опрошенных, что, как подчеркивается в отчете, в полтора раза ниже, чем в 2013 г. (57 %) [15]. Однако изменение этого показателя носит нелинейный характер и связано с той этнополитической ситуацией, которая складывается в данный момент времени. Опрос ВЦИОМ, проведенный в апреле и июле 2024 г. (n=1600), вообще продемонстрировал исключительно позитивную картину: 81 % опрошенных не испытывает неприязни по отношению к мигрантам и лишь у 12 % они вызывают тревогу или страх [16].

Фонд «Общественное мнение» в июле 2021 г. (n=1500) зафиксировал увеличение с 2018 г. доли тех, кто считает, что приезжих в их населенном пункте много (с 42 до 49 %), а отношения с ними являются «скорее плохими» (с 16 до 23 %), и полторакратный рост сторонников ограничения въезда из всех стран (с 23 до 38 %). При этом доля считающих, что мигранты приносят пользу, заметно превысила процент тех, кто видит в них лишь вред [17]. Ноябрьский опрос ФОМа 2023 г. (n=1500) показал отсутствие неприязни к другим национальностям у 86 % опрошенных и ее наличие у 11 %, а также сравнительно небольшую долю тех, кто часто сталкивается с этническими конфликтами (8 %) [18].

«Левада-Центр»² – единственный из общероссийских социологических институтов, проводящих исследования этносоциальной дистанции, в июне 2022 г. зафиксировал (n=1600) ее некоторое сокращение по отношению к таджикам и узбекам, что объяснялось ситуационными факторами – началом СВО на Украине и смещением в ее направлении фокуса общественного внимания. При этом сама по себе социальная дистанция населения России с выходцами из Средней Азии оставалась очень значительной – в 2021–2022 г. более половины опрошенных выбрали варианты ответов «Пускал бы их в Россию только временно» и «Не пускал бы их в Россию», что аналогично отношению к выходцам из Африки (неграм) и китайцам [19, с. 38–39]. Апрельский опрос «Левада-Центра» 2024 г. зафиксировал резкое увеличение этносоциальной дистанции по отношению к выходцам из Средней Азии – доля тех, кто не пускал бы их в страну, после теракта в «Крокус Сити Холле» выросла по сравнению с весной 2022 г. вдвое (с 15 до 31 %) [20].

В целом же академические исследования затрагивают проблему конфликтогенного потенциала миграции лишь отчасти и главным образом посредством анализа тех факторов, которые его генерируют. Общероссийские опросы ориентированы в основном на анализ межэтнических отношений и вероятность возникновения на этой почве конфликтов, как правило, вне связи с миграционной ситуацией,

¹ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

² Внесен Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

не позволяя тем самым выявить наличие или же отсутствие у нее конфликтогенного потенциала. По итогам этих опросов вырисовывается достаточно спокойная картина межнациональных отношений в сочетании с высокой социальной дистанцией по отношению к выходцам из Средней Азии и настороженным восприятием миграции, объемы которой вызывают озабоченность.

Методы исследования и понятия

Объектом настоящего исследования является миграционная ситуация в Ярославской области, предметом – конфликтогенный потенциал миграционных потоков из государств Средней Азии. В качестве методов исследования использованы анализ данных текущего миграционного учета МВД России, вторичный анализ социологических опросов, проведенных на общероссийском и региональном уровне, а также анкетный интернет-опрос населения Ярославской области, проведенный в мае-июле 2024 г. (n=260).

Проблема определения «конфликтогенного потенциала миграции» в отечественной науке остается до конца не решенной. Социологи Южного федерального университета увязывают его с тремя факторами: 1) настроениями неудовлетворенности у мигрантов и принимающего сообщества, обострением социальных и экономических противоречий, нарушением сложившихся социальных связей и усилением этносоциальной напряженности; 2) утратой доверия к региональным и местным органам власти; 3) конфликтами на этнической почве. Сам же «конфликтогенный потенциал миграционных потоков» рассматривается как «возможность создавать социальные условия для возникновения конфликтогенных ситуаций и этнических конфликтов» [4, с. 76].

Анализ всех этих факторов и выявление на этой основе конфликтогенного потенциала миграции выглядят достаточно трудноосуществимыми из-за необходимости учитывать слишком большое число социальных процессов и явлений. К тому же последний из этих факторов говорит не о наличии конфликтогенного потенциала, а о факте перехода социального конфликта из латентной в открытую стадию. Исходя из этого, конфликтогенный потенциал миграции можно определить как *результат взаимодействия мигрантов и принимающих их обществ, порождающий у местного населения недовольство сложившейся ситуацией, что создает угрозу столкновений и конфликтов между ними*. Формирование конфликтогенного потенциала иммиграции определяется объемами иммиграционных потоков и их восприятием принимающим обществом.

В качестве индикаторов конфликтогенного потенциала иммиграции рассматриваются: 1) динамика абсолютной и относительной численности мигрантов; 2) социальная дистанция местного населения с представляющими мигрантов этническими группами; 3) характер межэтнических отношений и восприятие местными населением связанных с мигрантами угроз.

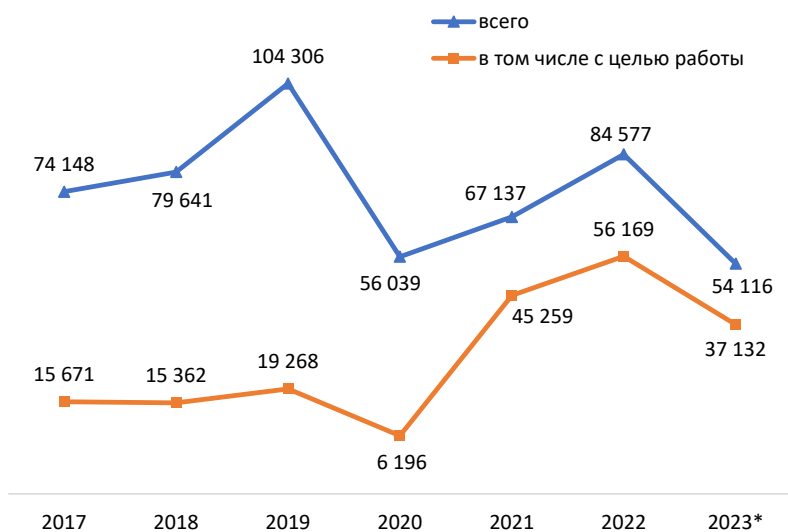
Иммиграция в Ярославской области: количественные параметры

Ключевым источником для оценки миграционной ситуации на региональном уровне являются данные текущего регистрационного учета Главного управления МВД России по вопросам миграции³, которые размещались в открытом досту-

³ Главное управление по вопросам миграции // МВД РФ: официальный сайт. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravljenija/guvm (дата обращения: 24.07.2024).

пе на сайте ведомства до середины 2023 г. Значение этих данных обусловлено тем, что именно они фиксируют временную, в том числе – трудовую миграцию, которая в статистической отчетности Росстата, отслеживающего лишь постоянную (долгосрочную) миграцию, отсутствует. Данные о национальности и гражданстве иностранцев по регионам в статистике МВД не представлены. Однако в целом по России 75,2 % всех регистраций иностранных граждан за 2022 г. пришлось на государства Средней Азии, в том числе 71 % – на Узбекистан, Киргизию и Таджикистан, генерирующих основные потоки миграции в Россию [21].

На протяжении 2017–2023 гг. в Ярославской области наблюдалось два пика регистрации иностранцев – последний «доковидный» 2019 г. (104,3 тыс.), когда их число по сравнению с предыдущим периодом выросло на четверть, и 2022 г., в течение которого количество регистраций после почти двукратного спада в 2020 г. (до 56 тыс.), вызванного карантинными ограничениями во время эпидемии, вновь увеличилось в полтора раза (до 84,6 тыс.). В 2023 г. миграционная ситуация остается до конца не ясной: статистические сведения были опубликованы МВД только за первое полугодие, а простая экстраполяция этих данных на весь год дает 54,1 тыс. регистраций иностранцев, что означает полуторакратное падение притока мигрантов по сравнению с 2022 г. (рис. 1).

*Оценка на основании данных МВД за первое полугодие 2023 г.

Рисунок 1. Динамика регистрации иностранных граждан в Ярославской области [21].

Кривая регистрации трудовых мигрантов, указавших в качестве цели прибытия работу, в целом повторяет общую динамику текущего миграционного учета с той разницей, что с 2021 г. их доля в общем миграционном потоке резко увеличивается и достигает двух третей от его объема. Причиной этого стала отмена с 2022 г. более мягкого миграционного режима, действовавшего во время эпидемии, и призванного снизить ее негативное воздействие на трудовых мигрантов из среднеазиатских стран СНГ.

В ходе трактовки данных текущего миграционного учета МВД следует, с одной стороны, принимать во внимание возможность повторного въезда в страну в течение года и многократного оформления временной регистрации по месту пребывания, а с другой – отсутствие этой регистрации у части иностранцев или окончание срока ее действия, что регулярно обнаруживается во время проверок соблюдения миграционного режима силовиками. Тем не менее в целом данные МВД достаточно адекватно отражают общее развитие миграционной ситуации как на федеральном, так и на региональном уровне.

*Оценка на основании данных МВД за первое полугодие 2023 г.

Рисунок 2. Динамика предоставления разрешений на временное проживание, видов на жительство и гражданства РФ в Ярославской области [21].

Иную картину рисуют данные о выдаче документов на долгосрочное проживание в России. Понижительную динамику демонстрируют только разрешения на временное проживание (РВП), число которых с 2017 по 2022 г. упало почти вдвое, а по оценочным данным за 2023 г. – в 4,5 раза. Число оформленных видов на жительство в этот период колебалось примерно на одном и том же уровне (около 1,7 тыс.). Зато выдача российских паспортов, которые граждане стран СНГ благодаря участию в программе переселения соотечественников могли получить в упрощенном порядке, минуя обязательное для прочих получение РВП и вида на жительство, демонстрирует устойчивый рост. С 2017 по 2022 г. количество выданных в области паспортов показало почти двукратный рост – с 2,2 до 3,9 тыс., и лишь в 2023 г. снизилось до 2,7 тыс. (рис. 2).

В последние годы именно предоставление гражданства стало одним из главных каналов постоянной иммиграции в Россию выходцев из Средней Азии, среди которых доминируют граждане Таджикистана. В целом по России за 2017 – первое полугодие 2023 г. на долю граждан этой республики пришлось 16 % всех случаев предоставления российского гражданства, а за 2022 г. – 25 %. По регионам сведения о выдаче паспортов в разрезе гражданства их получателей отсутствуют. При этом

кривая выдачи российских паспортов по области напоминает аналогичный график по России в целом⁴.

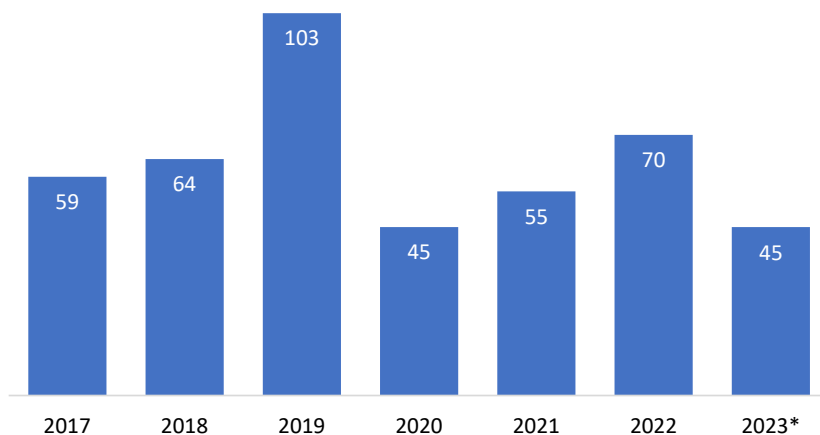

Рисунок 3. Коэффициент миграционной нагрузки (число регистраций иностранных граждан на 1000 населения) в Ярославской области [21; 22, с. 43].

Вместе с тем по уровню миграционной нагрузки, рассчитанной как число регистраций иностранцев на 1000 местного населения, область занимает средние позиции по стране. Рост этого показателя наблюдался с 2017 по 2019 г., когда он достиг 103, после чего последовало двукратное падение после начала эпидемии COVID-19 в 2020 г. и последующий рост до 70 в 2022 г. В 2023 г., по оценочным данным, коэффициент миграционной нагрузки составил 45 иностранцев на 1000 населения (рис. 3). По данным за 2021 г. в регионах, лидирующих по уровню миграционной нагрузки (Калужская, Московская области, С.-Петербург и Ленинградская область, Москва), ее уровень превышал 200 регистраций на 1000 местного населения [23, с. 60]. Ярославская область по этому показателю занимала на тот момент среди всех регионов России 35-е место [21; 24], что было достаточно далеко от порога миграционного кризиса, признаки которого в этот период явственно обозначились в столицах и прилегающих к ним регионах.

Межэтнические отношения в зеркале муниципальной социологии

Социологическим изучением национальной проблематики в Ярославле занимается муниципальное учреждение «Институт развития стратегических инициатив» (ИРСИ)⁵, учредителем которого является мэрия г. Ярославля. Институт ежегодно проводит мониторинговые исследования «Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в городе Ярославле», которые выполняются методом телефонного опроса по выборке объемом 400 чел., репрезентативной по полу, возра-

⁴ С 2017 по 2022 г. число случаев предоставления российского гражданства таджикистанцам, по данным МВД РФ, выросло в шесть раз: с 29 тыс. до 173,6 тыс., а всего за 2017 – первую половину 2023 г. гражданам этой республики было выдано 537,1 тыс. российских паспортов [21].

⁵ Институт развития стратегических инициатив. URL: <https://indsi.ru/> (дата обращения: 24.07.2024).

сту и району проживания. Такая методика позволяет изучать этническую ситуацию в динамике, своевременно выявляя наиболее острые проблемы. Вместе с тем официальный статус ИРСИ как муниципального учреждения, подведомственного мэрии, накладывает на изучаемые в ходе исследования вопросы и публикацию результатов определенные ограничения.

Ключевой вопрос исследования – оценка межнациональных отношений в городе. По итогам опроса, проведенного летом 2023 г., 87 % оценили их как нормальные (71 % – «спокойные, бесконфликтные»; 16 % – «положительные, дружественные») и только 10 % – как проблемные (9 % – «неспокойные, напряженные»; 1 % – «отрицательные, враждебные») [25]. Оценки межнациональных отношений русскими респондентами в целом оказались более спокойными. Однако крайне незначительная доля представителей других этносов в выборке (97 % – русские, 3 % – национальные меньшинства) обоснованных выводов о настроениях последних делать не позволяет. В сущности, опрос отражает лишь настроения русских, составляющих абсолютное большинство жителей города.

Примечателен и состав попавших в выборку национальных меньшинств, среди которых представлены татары, украинцы, армяне, азербайджанцы, литовцы, немцы и цыгане (в порядке убывания численности). Наиболее многочисленные из них – татары – на территории Ярославской области проживают как минимум с XVI в., а в Ярославле массово появляются в 1930-е гг., в период советской индустриализации. К настоящему времени татары в значительной массе уже ассимилировались с русским населением области и национальным меньшинством в большинстве своем уже не являются. Схожим образом обстоит дело с украинцами и белорусами, которые в силу этногенетической и культурно-исторической близости мало отличаются от русского населения города.

Из «видимых» меньшинств, заметно отличающихся от коренного населения Ярославля по языку, религии, фенотипическим и прочим особенностям, в незначительном количестве опрошены лишь армяне и азербайджанцы. Наиболее многочисленные этносы Средней Азии, генерирующие крупномасштабные миграционные потоки в Россию – узбеки, таджики и киргизы, – опросом вообще не охвачены, что объясняется, по всей видимости, языковым барьером и обусловленными им сложностями коммуникации.

С позитивной оценкой межэтнических отношений резко контрастируют ответы на вопрос о возможности в городе национальных конфликтов. Почти треть опрошенных считают их вероятными (5 % – «возможны», 25 % – «скорее возможны»), а отрицают вероятность возникновения конфликтов чуть менее двух третей респондентов (42 % – «скорее невозможны», 22 % – «невозможны»). По сравнению с аналогичным опросом ИРСИ, проводившимся в 2022 г., результаты почти не изменились с той разницей, что за год втрое упала доля считающих межнациональные конфликты возможными (с 15 до 5 %). Высокое значение этого показателя в 2022 г. объясняется, видимо, воздействием эпидемии COVID-19 и карантинных ограничений, обернувшихся заметным обострением ситуации с мигрантами из азиатских стран СНГ и, как следствие, межэтнических противоречий.

В вопросе о причинах межнациональных конфликтов, который носит закрытый характер, смешаны как ситуационные, поведенческие факторы, которые могут рассматриваться как непосредственные поводы конфликтов, так и объективные, долгосрочные, которые от самих людей не зависят или же зависят мало.

Так, в качестве главной причины межнациональных конфликтов та часть респондентов, которая считает их возможными, выделила «некорректное поведение представителей национальных меньшинств» (69 %), которое является ситуационным и само по себе может включать множество аспектов. К этой же группе факторов относится «изначально враждебное отношение к представителям отдельных национальностей» (28 %). Вместе с тем такие варианты ответов, как «нелегальная миграция» (18 %), «низкий уровень жизни» (14 %), «различия в вероисповедании и религии» (7 %), относятся именно к объективным факторам, которые влияют на этническую ситуацию в городе, но непосредственными причинами (поводами) возникновения межнациональных конфликтов служить не могут.

В исследовании 2019 г. присутствовал вопрос о том, много ли в городе национальных меньшинств, который из последующих опросов исчез [26]. Между тем косвенно он позволяет выявить восприятие населением миграционной ситуации в городе. Две трети опрошенных (66 %) ответили, что этнических меньшинств в городе много, и лишь шестая часть (17 %) считала, что их немного. Отмеченное в отчете противоречие этих данных небольшой доле национальных меньшинств в выборке связано с тем, что «мигрантские» сообщества опросом «не улавливаются». Более негативным в 2019 г. оказалось и восприятие межнациональных отношений: 17 % респондентов оценили их как напряженные или враждебные, что почти вдвое выше уровня 2023 г.

В целом же мониторинговые исследования ИРСИ вопросы, связанные с иммиграцией и ее восприятием населением, практически не затрагивают, позволяя оценить лишь общий «фон» межнациональных отношений и столь же общую вероятность возникновения этнических конфликтов с точки зрения русских жителей города. Характер межнациональных отношений по данным этих исследований можно в целом оценить как спокойный, а вероятность возникновения этнических конфликтов – как среднюю, что говорит о наличии в обществе латентной межэтнической напряженности.

Иммиграция и миграционная политика

С целью изучения конфликтогенного потенциала среднеазиатской иммиграции в мае–июле 2024 г. через сервис «Google Forms» был проведен опрос 260 респондентов. Выборка опроса невероятностная, стихийная. Соотношение мужчин и женщин (42,3 % и 57,7 %) в целом соответствует половой структуре населения области (44,9 и 55,1 % на 2023 г.). Возрастная структура отчасти смещена в пользу молодых возрастных групп (36,2 % – 18–24 года, 20,4 % – 25–34 года, 17,7 % – 35–44 года, 21,5 % – 45–59 лет, 4,2 % – 60 лет и старше). 85,4 % опрошенных проживают в Ярославле, 14,6 % – в иных населенных пунктах области, в связи с чем данные опроса представляют главным образом жителей областного центра.

Оценки миграционной ситуации населением Ярославской области достаточно тревожные: 9 из 10 опрошенных (89,2 %) считают, что мигрантов в России «скорее много» или «слишком много». Вместе с тем в отношении того населенного пункта, в котором они проживают, такой точки зрения придерживаются лишь 7 из 10 (68,8 %) опрошенных (рис. 4). То есть миграционная ситуация в регионе и прежде всего в областном центре оценивается не столь критично, как по стране в целом. Об этом же свидетельствует и вдвое большая доля тех, кто считает, что мигрантов в их населенном пункте «скорее мало».

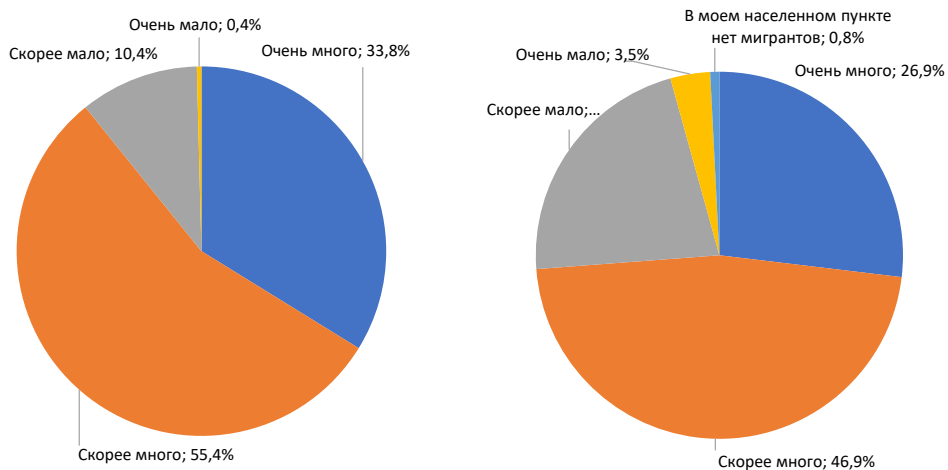

Рисунок 4. Если говорить о мигрантах – их много или мало?
(1 – в России, 2 – в Вашем населенном пункте)

С негативным восприятием миграционной ситуации коррелирует и преобладание точки зрения об ухудшении межнациональных отношений. Почти две трети респондентов (67,7 %) считают, что за последние годы они стали более напряженными, и лишь каждый пятый (20,8 %) никаких изменений не заметил. Снижение межэтнической напряженности в России за последние годы отметили лишь 5 % опрошенных (рис. 5).

Рисунок 5. Как, на Ваш взгляд, за последние годы изменились межнациональные отношения в России?

На фоне обострения межнациональных отношений большинство респондентов склоняется к необходимости проведения государством ограничительной миграционной политики. Так, две трети опрошенных настаивают на ограничении притока или всех мигрантов (24,2 %), или же выходцев из определенных стран и регионов (41,5 %). Причем их число почти совпадает с долей тех, кто считает присутствие мигрантов в своем населенном пункте чрезмерным (46,9 %). На стимулировании притока мигрантов со стороны правительства настаивает лишь каждый пятый респондент (17,7 %) (рис. 6).

Рисунок 6. Как Вы думаете, какой политики должно придерживаться правительство России относительно трудовых мигрантов?

Особый интерес представляет вопрос о социальной дистанции, существующей между населением области и основными этническими группами, представленными среди мигрантов. Для ее измерения респондентам задавался вопрос о том, насколько близко они готовы принять выходцев из различных стран и регионов бывшего СССР. Результаты опроса в целом подтвердили данные об этнокультурной близости к русским восточных славян – белорусов и украинцев, а также наличии гораздо более значительной социальной дистанции с народами Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Самая низкая социальная дистанция наблюдается по отношению к белорусам. Их готовы видеть среди членов своей семьи и близких друзей три четверти респондентов (75,8 %), а намеренных ограничить их въезд в Россию не зафиксировано. Более половины (58,4 %) опрошенных готовы видеть в своем самом близком кругу украинцев, а запретить им въезд хочет каждый десятый (10,4 %). Разница в отношении к двум этим восточнославянским народам, максимально близким к русским в этногенетическом и культурном отношении, объясняется военно-политическими факторами: резким ухудшением российско-украинских взаимоотношений после Евромайдана 2014 г. и началом СВО в феврале 2022 г., что несколько ухудшило отношение российского общества к выходам с Украины.

Видеть среди родственников и близких друзей выходцев из Закавказья (азербайджанцев, армян, грузин) готовы менее половины (43,5 %) опрошенных, а с Северного Кавказа – чуть более трети (37,7 %) (рис. 7). В то же время на ограничении их въезда в Россию (7,7 и 8,8 %) настаивает заметно меньший процент респондентов, чем в отношении украинцев.

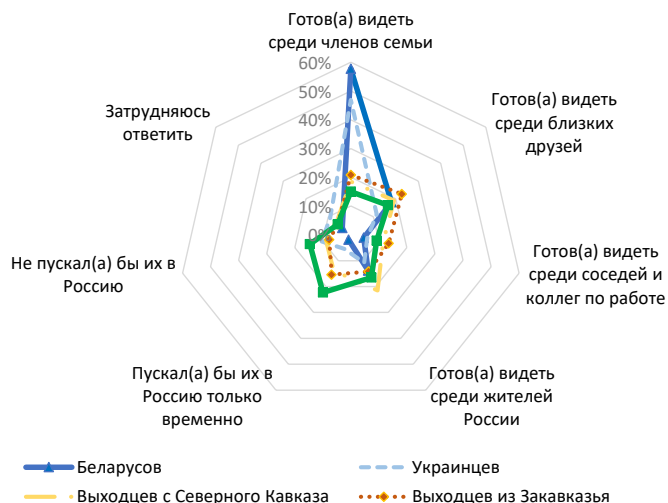

Рисунок 7. Представителей каких национальностей и насколько близко Вы готовы видеть?

Наиболее высокая социальная дистанция у населения Ярославской области зафиксирована с выходцами из Средней Азии. Таджикив, узбеков и киргизов среди членов семьи и близких друзей готовы видеть менее трети (31,5 %) респондентов, а более трети (36,9 %) вообще не пускали бы их в Россию или же пускали только временно. По доле негативно настроенных к ним респондентов среднеазиатские мигранты вдвое опережают украинцев и в полтора раза – закавказских и северокавказских. Столь высокая этносоциальная дистанция местного населения со среднеазиатскими народами наряду с масштабами миграционных потоков создает социально-демографический «базис» конфликтогенного потенциала иммиграции, дополняемый ситуационными (поведенческими) факторами.

Плюсы и минусы среднеазиатской иммиграции в оценках респондентов

На вопрос о масштабах присутствия среднеазиатских мигрантов в «своем» населенном пункте почти три четверти опрошенных выбрали вариант «очень много» (26,2 %) и «скорее много» (45,2 %), настаивая на его чрезмерности. Поскольку абсолютное большинство респондентов проживает в Ярославле, эти оценки касаются прежде всего областного центра, который и привлекает большинство мигрантов. Причем доля придерживающихся этой точки зрения в целом совпадает с процентом тех, кто настаивает на полном или частичном ограничении властями притока мигрантов (65,7 %). Мнения о том, что выходцев из Средней Азии в их населенном пункте «скорее мало» (21,9 %) или «очень мало» (3,5 %), придерживается лишь каждый четвертый респондент (рис. 8).

Рисунок 8. В населенном пункте, где Вы живете, есть мигранты из стран Средней Азии?

В том случае, если бы рядом с респондентами поселились выходцы из стран Средней Азии, те, кто негативно (40 %) и безразлично (40 %) относятся к этому обстоятельству, оказались бы в равной пропорции. Примечательно, что почти таким же образом распределились и респонденты, испытывающие (41,5 %) или же не испытывающие (43,1 %) тревогу или страх связи с присутствием мигрантов в их регионе. Процент положительных оценок в связи с присутствием мигрантов при этом крайне невелик (5,8 %). В целом же отношение населения области к появлению в их населенном пункте мигрантов из государств Средней Азии можно охарактеризовать как безразлично-отрицательное (рис. 9).

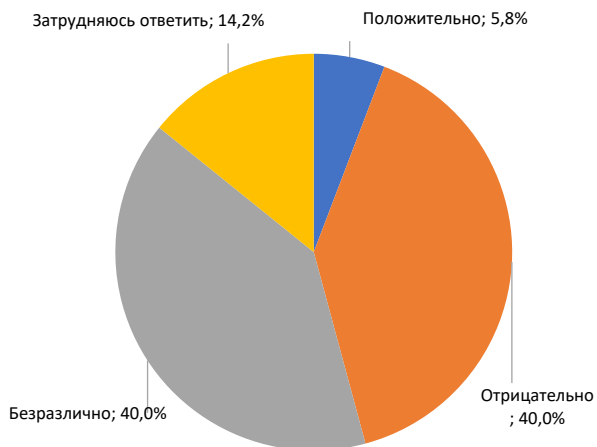

Рисунок 9. Если бы рядом с Вами поселились мигранты из Средней Азии, как бы Вы к этому отнеслись?

Несмотря на неоднозначное отношение, заметная часть населения считает приток среднеазиатских мигрантов экономически обусловленным. Так, 18,8 % опрошенных настаивают на том, что иммиграции из Средней Азии приносит больше пользы, почти столько же (21,9 %) – больше вреда, а 44,6 % придерживаются «промежуточной» точки зрения, считая, что в присутствии мигрантов есть как польза, так и вред (рис. 10).

Рисунок 10. Как Вам кажется, мигранты из Средней Азии приносят России больше пользы или больше вреда?

Основными преимуществами использования среднеазиатских мигрантов респонденты считают выполнение работ, от которых отказывается местное население, дешевизну их труда, восполнение дефицита кадров, а также работу на низкоквалифицированных позициях. Кроме того, среди плюсов трудовой иммиграции из Средней Азии отмечалось то, что мигранты культурно обогащают страну, занимаются тяжелым физическим трудом, поддерживают экономику, обеспечивают прирост населения и способствуют налаживанию взаимоотношений между народами.

Вред, который приносят мигранты, связывается респондентами с их бескультурным поведением, агрессивностью и конфликтностью, увеличением преступности, неуважением российских культурных ценностей, недостаточной интеграцией в принимающее общество. Помимо этого, в ответах на открытые вопросы фигурировали такие варианты ответов, как конкуренция с местными жителями и дестабилизация рынка труда, навязывание мигрантами собственных ценностей, образование диаспор, отток денежных средств, низкий уровень бытовой культуры, непрофессионализм, рост нагрузки на социальную инфраструктуру и незнание языка.

В целом три основных негативных последствия иммиграции с точки зрения респондентов – это «преступность (в том числе экстремизм), коррупция» (21 % ответов), «агрессивное, бескультурное поведение, конфликтность» (14 %), «неуважение российской культуры» (11 %), а три ее позитивных аспекта связаны с тем, что мигранты «работают, осуществляют трудовую деятельность» (18 %), «работа-

ют там, где отказывается местное население» (15 %), «являются дешевой рабочей силой» (14 %). При этом вред от миграции, судя по числу негативных и позитивных оценок, несколько превышает пользу от нее.

Вероятность конфликтов с участием мигрантов

Приток мигрантов из Средней Азии вызывает у населения тревогу. На вопрос о беспокойстве, недовольстве или страхе по поводу присутствия мигрантов из других стран более трети опрошенных (41,5 %) ответили утвердительно при том, что такая же их часть (43,1 %) беспокойства не испытывает (рис. 11). Если в качестве порога высокого уровня социальной тревожности в связи с присутствием мигрантов рассматривать 50 %, то ее текущий уровень в регионе можно оценить как средний.

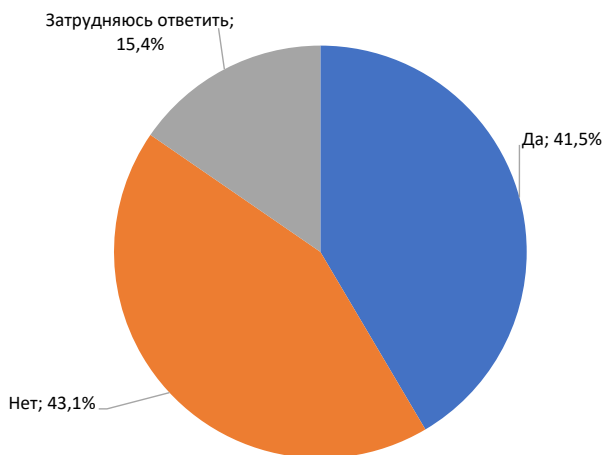

Рисунок 11. Вы испытываете беспокойство, недовольство, страх по поводу присутствия мигрантов из других стран в Вашем регионе?

На вопрос о вероятности возникновения этнических конфликтов в регионе утвердительно ответили более половины опрошенных (52,7 %), тогда как маловероятными их посчитали чуть более трети (38,1 %) (рис. 12). Высокая вероятность конфликтов, которая следует из ответов респондентов, коррелирует с результатами исследований ИРСИ, в соответствии с которым их считают вероятными около трети населения Ярославской области [19]. Причем опрос ИРСИ был проведен задолго до теракта в «Крокус Сити Холле» (22.03.2024), заметно ухудшившего восприятие среднеазиатской иммиграции в России.

Рисунок 12. Насколько вероятно, по Вашему мнению, возникновение этнических конфликтов в Вашем регионе?

Высокая вероятность конфликтов, свидетелями или участниками которых становились более трети опрошенных [рис. 13], выглядит достаточно неожиданной в связи с тем, что значительных по масштабу столкновений на национальной почве, подобных беспорядкам в московском районе Западное Бирюлево в октябре 2013 г., в области не зафиксировано.

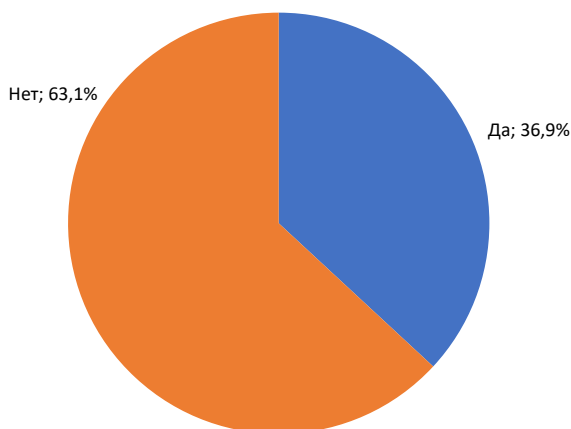

Рисунок 13. Становились ли Вы свидетелем или участником этнических конфликтов в Вашем регионе?

В целом же итоги опроса подтверждают существование значительного конфликтогенного потенциала миграции из Средней Азии, о наличии которого свидетельствует преобладание мнений о том, что мигрантов в России и месте проживания респондентов слишком много, межнациональные отношения за последние годы заметно ухудшились, а власти должны придерживаться ограничительной миграционной политики. Из-за высокой социальной дистанции с выходцами из Средней Азии их появление в регионе воспринимается населением негативно, хотя плюсы и минусы трудовой иммиграции уравнивают друг друга с некоторым перевесом в пользу последних. Главным же показателем конфликтогенного потенциала иммиграции является высокая вероятность этнических конфликтов и заметный процент тех, кто был их свидетелем или участником.

Заключение

Внешне миграционная ситуация, складывающаяся в Ярославской области на протяжении 2017–2023 гг., особых поводов для тревоги не внушает. Пиковый приток мигрантов в 2019 и 2022 гг. сменился последующим спадом, а по уровню миграционной нагрузки область занимает средние позиции среди других регионов России, далекие пока от барьера миграционного кризиса. В то же время некоторые тенденции создают предпосылки для обострения миграционной ситуации. К ним относится прежде всего постоянно нараставшее вплоть до 2022 г. число случаев предоставления российского гражданства. За рассматриваемый период в области было выдано порядка 19,6 тыс. российских паспортов, что создает предпосылки для долгосрочной иммиграции из азиатских стран СНГ.

Несмотря на внешне спокойное состояние межнациональных отношений, фиксируемое общероссийскими и региональными опросами, среднеазиатская иммиграция создает в российском обществе внутреннее напряжение. Высокая этносоциальная дистанция среднеазиатских народов с населением региона в сочетании со значительным притоком мигрантов создает ощущение чрезмерности их присутствия. Вероятность того, что рядом поселятся мигранты из Средней Азии, воспринимается населением негативно или же безразлично при том, что большая часть респондентов опыта реального взаимодействия с ними пока еще не имеет, – близкие знакомые и друзья из числа мигрантов есть лишь у каждого пятого из них.

Все это говорит о наличии в регионе конфликтогенного потенциала иммиграции, уровень которого можно оценить как средний: четверо из десяти опрошенных испытывают тревогу, недовольство или страх в связи с присутствием мигрантов в их регионе, а более половины считают в той или иной мере вероятным возникновение этнических конфликтов. Причем более трети опрошенных уже становились свидетелями или же участниками таких конфликтов. С этими данными коррелируют и оценки состояния межнациональных отношений, которые, по мнению двух третей респондентов, за последнее время стали более напряженными. На формирование конфликтогенного потенциала миграции, безусловно, повлиял теракт в «Крокус Сити Холле», но для его возникновения были и объективные причины, поскольку высокая социальная дистанция с выходцами из Средней Азии фиксировалась общероссийскими опросами и ранее.

Существование конфликтного потенциала иммиграции требует мероприятий двоякого рода: постоянного отслеживание миграционной и тесно связанной с ней этносоциальной ситуации в области, с одной стороны, и плотного контроля за им-

миграцией из азиатских стран СНГ – с другой. Причем контролироваться должны не только временные, трудовые, но и постоянные, долгосрочные миграции, связанные с получением документов на длительное проживание и особенно – российского гражданства. По опыту регионов, уже столкнувшихся с миграционным кризисом, именно постоянная миграция, создающая нагрузку на социальную инфраструктуру, является его катализатором.

Ссылки

1. Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 4–13.
2. Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1. С. 16–29.
3. Стукалова Д. Н. Управление конфликтогенным потенциалом миграционных потоков как предмет научных исследований // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 283–291.
4. Лубский А. В., Сериков А. В., Стукалова Д. Н. Конфликтогенный потенциал миграционных потоков в контексте обеспечения национальной безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 174–180. DOI 10.23394/2079-1690-2017-1-3-174-180.
5. Манапова В. Э. Миграция как фактор конфликтогенности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1. С. 118–123.
6. Арутюнова Е. М. Адаптация временных трудовых мигрантов из Средней Азии на сельском Юге России // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1. С. 51–70.
7. Винокурова А. В., Ардалянова А. Ю. Этноконфессиональные аспекты социальной адаптации трудовых мигрантов в Приморском крае // Социальные науки. 2017. № 4. С. 172–179.
8. Грунт Е. В. Факторы, влияющие на социокультурную адаптацию мигрантов из Средней Азии в Уральском мегаполисе // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 3. С. 112–123. DOI 10.15688/lp.jvolsu.2019.3.12.
9. Набиулин И. Р. Адаптация трудовых мигрантов мусульманского вероисповедания из Средней Азии в современном российском обществе (на примере Республики Татарстан) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 3. DOI 10.15862/52SCSK322.
10. Смирнова С. В. Особенности адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42. С. 94–100.
11. Полетаев Д. В. Реалии и перспективы адаптации детей-мигрантов из Средней Азии в России // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16, № 4. С. 110–121. DOI 10.17922/2071-3665-2017-16-4-110-121.
12. Гаджимурадова Г. И. Трудовая миграция как фактор религиозной нестабильности в регионах России: угрозы и риски // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т. 3, № 3. С. 17–22. DOI 10.18413/2408-9338-2017-3-3-17-22.
13. Амелин В. В., Шешукова Г. В. Социальный облик мигрантов Центральной Азии: факторы культурной интеграции // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2017. № 3. С. 5–11.

14. Найденко В. Н. Экспертная оценка негативных проявлений, обуславливающих этнонациональные конфликты в современной России // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3. С. 149–164. DOI 10.19181/snsp.2020.8.3.7493.
15. Иммигранты в России: за и против // ВЦИОМ: сетевое издание. 14.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 14.07.2024).
16. Межнациональные отношения и проблема иммиграции // ВЦИОМ: сетевое издание. 18.07.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnyye-otnosheniya-i-problema-immigracii> (дата обращения: 24.07.2024).
17. О трудовых мигрантах // ФОМ: сайт. 12.08.2021. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14614> (дата обращения: 14.07.2024).
18. Межнациональные отношения // ФОМ: сайт. 15.12.2023. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14958> (дата обращения: 24.07.2024).
19. Общественное мнение – 2022. М.: Левада-Центр, 2023 224 с.
20. Уровень ксенофобии и межнациональной напряженности, отношение к приезжим // Левада-Центр. 14.05.2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/05/14/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim/> (дата обращения: 26.07.2024).
21. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за 2017 – первое полугодие 2023 гг. // МВД РФ: Официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracii> (дата обращения: 25.01.2024).
22. Ярославская область. 2023: Стат. сборник / Ярославльстат. Ярославль, 2023. 386 с.
23. Шустов А. В. Контуры миграционного кризиса 2020–2022 гг. в России // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 51–64. DOI 10.31857/S013216250023213-7.
24. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году (Статистический бюллетень). М., 2022 // Росстат: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium> (дата обращения: 20.07.2024).
25. Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в городе Ярославле. Информационно-аналитический отчет по результатам социологического исследования. Ярославль, август 2023 // Институт развития стратегических инициатив: сайт. 25.10.2023. URL: <https://indsi.ru/2023/10/25/sostoyaniye-mezhnacionalnykh-i-mezhkonf-2/> (дата обращения: 08.07.2024).
26. Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в городе Ярославле. Информационно-аналитический отчет по результатам социологического исследования. Ярославль, октябрь 2019 // Институт развития стратегических инициатив: сайт. 01.10.2019. URL: <https://indsi.ru/2019/10/01/sostoyaniye-mezhnacionalnykh-i-mezhkonf/> (дата обращения: 14.07.2024).